

DOI 10.15826/qr.2016.3.181

УДК 94(470.25)(093)+356.11+316.343.32

**СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПСКОВА
В СОБЫТИЯХ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕЛОБИТНЫХ)**

Дмитрий Лисейцев

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**THE SERVICE PEOPLE OF PSKOV
IN THE TIME OF TROUBLES
(WITH REFERENCE TO PETITIONS)***

Dmitry Liseytshev

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article is devoted to historical sources that reveal important details of events during the Time of Troubles in Pskov. The petition of the nobleman Ivan Bedrinskii discusses the period when Pskov was under the rule of the supporters of False Dmitry II. The arbitrariness of the streltsy forced local nobles to leave the city and join Tsar Vasily Shuysky's Novgorod followers. The streltsy continued to hold noble property after Pskov was once again under the authority of Moscow. The petition of the Cossack captain Vasily Levashov contains important information about some events from the Time of Troubles: the petitioner participated in suppressing the uprising of Ivan Bolotnikov and the defence of the Pskovian 'suburb' Gdov from Swedish troops in 1613. These two petitions demonstrate that there are many opportunities to find information about the Time of Troubles in documents drawn up after the conflict had run its course.

Keywords: Time of Troubles; Pskov; streltsy; Cossacks; provincial nobility.

В статье рассматриваются исторические источники, раскрывающие важные грани событий Смутного времени в Пскове, бурная история которого в годы Смуты, к сожалению, мало обеспечена сохранившимися докумен-

---

* *Citation:* Liseytshev, D. (2016). The Service People of Pskov in the Time of Troubles (with Reference to Petitions). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 161–171. DOI 10.15826/qr.2016.3.181.

Цитирование: Liseytshev D. The Service People of Pskov in the Time of Troubles (with Reference to Petitions) // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 161–171. DOI 10.15826/qr.2016.3.181 / Лисейцев Д. Служилые люди Пскова в событиях Смутного времени (по материалам челобитных) // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 161–171. DOI 10.15826/qr.2016.3.181.

тами. В научный оборот вводятся две челобитные, относящиеся к первой половине XVII в. Челобитная псковского дворянина Ивана Бедринского повествует о периоде, когда Псков находился под властью сторонников самозванного царя Лжедмитрия II, главной опорой которого являлись городские стрельцы (в то время как часть дворянства была настроена на поиск примирения с царем Василием Шуйским). Самоуправство стрельцов заставило псковских дворян покинуть город и примкнуть к новгородским последователям Василия Шуйского. Стрельцы продолжали удерживать за собой захваченную в предыдущие годы городскую недвижимость дворян и после возвращения Пскова под власть московской администрации. Публикуемый документ, таким образом, дает в распоряжение исследователей уникальные сведения о социальном противостоянии в Пскове в период Смутного времени. Челобитная казацкого есаула Василия Левашова сохранила важные сведения о событиях Смуты – участии челобитчика в подавлении восстания Ивана Болотникова, а также об обороне псковского «пригорода» Гдова от шведских войск в 1613 г. Кроме того, челобитная есаула Левашова позволяет составить более детальное представление о характере и географии службы псковских гарнизонных казаков, равно как и о размерах вознаграждения за эту службу. Челобитные Бедринского и Левашова, публикуемые в приложении, демонстрируют перспективность поиска информации о Смутном времени в документах, составленных уже после ее завершения.

Ключевые слова: Смутное время; Псковская земля; стрельцы; казачество; провинциальное дворянство.

Псковская земля в годы Смуты начала XVII в. имела особенную, насыщенную событиями историю, в которой есть место как для темных моментов, так и для героических страниц. Вместе с тем, история Пскова эпохи Смуты не может похвастаться изобилием сохранившихся исторических документов, отражающих реалии Смутного времени. Особую ценность имеют источники более позднего происхождения, в которых воспроизводятся происшествия, разворачивавшиеся в Пскове и его окрестностях в начале XVII столетия. Два таких документа предлагаются вниманию читателя¹.

Первый из них – челобитная псковского помещика Ивана Леонтьевича Бедринского – появился в начале 1614 г. (прил. 1) Челобитчик обращался к царю Михаилу Фёдоровичу с просьбой о восстановлении за ним права собственности на его дворовое место в Пскове. Документ воспроизводит ценные подробности событий, развернувшихся в Пскове в кульминационный период Смуты. Предметом спора оказался осадный двор Ивана Бедринского, купленный им на улице Серебренке на Полонище за 11 руб. «для убегу от литовских и от немецких людей» (то есть на случай осады, когда окрестные дети боярские перебирались под защиту городских стен). В прошении

¹ Документы публикуются в приложении. Челобитные публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

челобитчик упоминает о пожаре, во время которого его двор сгорел: «И как, государь, пожар был во Пскове, и тот мой двор згорел». Речь идёт о бедствии, случившемся во Пскове 15 мая 1609 г. Летописец ярко описывает масштабы события:

Грѣхъ ради нашихъ, учинился пожар во Пскове в Полониском концы у Красного креста, и весь град выгорѣл, и живоначальная Троица в Крему, и с чудотворными образы и с кузнию, и с книгами, и с ризами, и со всею лѣпотою церковною, и государева казна, зелье и наряд, и вырвало кремскую стену на Великую реку и на Пскову по шестидесят сажен на обе реке, и много людеи прибило камениемъ, и иные в церквах погорѣли люди [Псковские летописи, вып. 1, с. 114].

Следующий момент, нашедший отражение в челобитной Бедринского, – отъезд из Пскова дворян и детей боярских во главе с воеводой князем Александром Фёдоровичем Жировым-Засекиным. Это событие нуждается в комментарии. Князь А. Ф. Жировой-Засекин появился в городе в конце 1608 г., когда псковичи присягнули самозванцу Лжедмитрию II. Из лагеря «тушинского вора» и был прислан во Псков новый воевода (вместо арестованного и убитого горожанами П. Н. Шереметева, представлявшего в городе власть царя Василия Шуйского). Через полтора года (в феврале 1610 г.) воевода и «лучшие люди» города задумали перейти на сторону московского правительства Василия IV. Вероятно, этот порыв был обусловлен успехами русско-шведского войска боярина кн. М. В. Скопина-Шуйского и генерала Я.-П. Делагарди. Рать Скопина и Делагарди нанесла тушинцам серию поражений под Тверью, Торжком, Калязиным, сняла осаду с Троице-Сергиева монастыря и к началу 1610 г. поставила тушинский лагерь самозванца на грань полной катастрофы.

Однако попытка псковского воеводы организовать переход псковичей на сторону Василия Шуйского не удалась – по версии летописца, этому помешало исчезновение из воеводской избы прежней крестоцеловальной записи. По предположению В. А. Аракчеева, этот важный документ мог быть похищен последовательным сторонником Лжедмитрия II дьяком Иваном Львовским (фактически возглавлявшим в Пскове «тушинскую» воеводскую администрацию). Попытка переворота в пользу Василия Шуйского не удалась – на стороне Лжедмитрия II осталась значительная часть населения города, а ударной силой сторонников самозванца оказались псковские стрельцы. Полугодом ранее, 18 августа 1609 г., после убийства ими гостя Алексея Хозина стрельцы были изгнаны за пределы города в слободу за реку Великую. Теперь же, 19 февраля 1610 г. («на утрия же в самый чистый понедельник Великого поста»), горожане впустили их в город [Там же, с. 136–137; Аракчеев, с. 171, 178–180]. В итоге воевода кн. Жировой-Засекин и группа псковских дворян, которым грозила расправа со стороны последователей Лжедмитрия, были вынуждены покинуть

город. До сих пор нам были известны имена лишь трёх псковских помещиков, уехавших из охваченного мятежом Пскова, – М. Ордина-Нащокина, С. Матюшкина и Ф. Неклюдова. Последний из них, Фёдор Булгаков сын Неклюдов, был пожалован «при царе Василье за выезд, как он выехал из Пскова с околничим с князем Олександром Засекиным из воровские смуты к царю Василью в Великий Новгород» [Аракчеев, с. 180; РИБ, т. 15, с. 85]. Публикуемая челобитная позволяет причислить к отъехавшим на службу к Василию Шуйскому псковичам также помещика И. Л. Бедринского.

Челобитная содержит уникальные сведения о порядках, установившихся в Пскове после бегства из него воеводы и дворян. Летопись сообщает, что вышедшие из столкновения с воеводой победителями сторонники «тушинского вора» занялись грабежом имущества побеждённых: «и входяще в дома ихъ, ядуще и пиюще и веселящися, и имѣния их собѣ роздѣлиша» [Псковские летописи, вып. 1, с. 137]. Из челобитной Бедринского мы узнаём, что стрельцы, составившие ядро мятежа, завладели и дворами изгнанников:

...И после, государь, нас на том моем дворовом месте поставили два дворы псковские стрельцы Богдановы сотни Маврина Пронька Старорушенин с товарищи.

Такая ситуация вполне вписывалась в общую картину Смутного времени, когда люди, пользуясь ситуацией, завладевали дворами, поместьями и вотчинами своих политических противников. Интересно другое обстоятельство. Псковские дворяне, судя по челобитной Бедринского, вернулись в родной город довольно быстро. Вероятно, это случилось в марте 1612 г., когда I Ополчение под Москвой принесло присягу Лжедмитрию III («псковскому вору»). Во всяком случае, автор челобитной пишет, что он живёт в Пскове уже два года – «120-й и 121-й год» (то есть 1611–1612 и 1612–1613 гг.). За это время Псков успел признать над собой власть Лжедмитрия III, а затем Михаила Романова. Несмотря на произошедшие в городе перемены, Бедринский не сумел вернуть себе потерянное в феврале 1610 г. дворовое место, которым продолжали пользоваться и даже извлекать из своего незаконного владения прибыль псковские стрельцы:

...Меж собою тем моим дворовым местом и огородом торгуют и перекупаютца. А и ныне... владеют тем моим дворовым местом и огородом насильством, а мне его не отдают.

Этот, на первый взгляд, рядовой штрих в общей картине нестройной и беззаконной эпохи Смуты показывает, насколько сильны были в первые месяцы царствования Михаила Фёдоровича в почти полностью отрезанном от Москвы Пскове позиции стрельцов, завоеванные ими во время февральского переворота 1610 г. Замечу также, что два

первых псковских дьяка времени царствования Михаила Фёдоровича, Василий Корин и Венедикт Кокошкин, по всей вероятности, были связаны родством с верхушкой псковских стрельцов. На исходе Смутного времени в Пскове сотником у стрельцов служил Иван Пятого Кокошкин; среди псковских стрелецких сотников 1631 г. фигурирует имя Луки Никитича Корина [РГАДА. Ф. 21. Оп. 9. Д. 7. Л. 71; Оп. 11. Д. 264. Л. 36].

К сожалению, на челобитной И. Л. Бедринского отсутствуют пометы, позволяющие точно датировать время её составления и подачи царю Михаилу Фёдоровичу. Решение по челобитной было вынесено в пользу челобитчика:

Будет то место белое, а не куплено, и против указу по мере, и то ему место велеть очистить, а стрельцом дать место по указу в Стрелецкой слободе.

В соответствии с этой резолюцией в апреле 1614 г. в Псков отправили царскую грамоту, предписывающую вернуть двор Бедринскому. Интересно, что в царской грамоте в числе представителей воеводской администрации названы сразу два дьяка – Венедикт Кокошкин и Василий Корин. Между тем, мы знаем, что уже с 30 марта 1614 г. в направляемых во Псков царских грамотах дьяком называли только В. Кокошкина (на тот момент, вероятно, ещё ехавшего к месту службы – 7 апреля 1614 г. в Москве была получена отписка из Пскова, в которой дьяком был назван ещё прежний администратор В. Корин) [Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8 (1614 г.). Л. 179; АМГ, т. 1, № 67, с. 104; № 72, с. 109; № 73, с. 110]. Упоминание в царской грамоте от апреля 1614 г. сразу двух дьяков объясняется, по всей вероятности, необходимостью передачи дел одним дьяком другому.

* * *

Вторая челобитная написана более чем через четверть века после челобитной Бедринского, в 1641 г., но и она сохранила в себе отголоски Смуты (прил. 2). Её автором был псковский казачий есаул Василий Левашов. Казаки в Пскове известны со времени Ливонской войны, они были участниками обороны города от войск польского короля Стефана Батория [Соколова, с. 62; АСЗ, т. 1, № 221, с. 192]². Около того времени и начал службу Левашов, упоминающий в поданной в 1641 г. челобитной: «служу тебе, государю, всякие твои государевы службы шестьдесят лет». Следовательно, на момент подачи челобитной Левашов приближался к 80-летию и мог быть свидетелем

---

² Н. В. Соколова указывает на присутствие казаков в Пскове в конце Ливонской войны, когда они участвовали в обороне города в 1581–1582 гг. Однако имеются сведения о псковских казаках, датируемые двумя десятилетиями ранее: в январе 1561 г. в ливонский город Феллин (Вильян) была направлена царская грамота, в которой сообщается, в частности: «Да пришли к вам из Пскова да из Юрьева атаманы Гриша Ртищев да Иванко Киреев с казаки, и вы их без нашего ведома в войну отпущати не смеете».

и участником обороны Пскова от Баториевых отрядов. Однако об этом эпизоде своей биографии в челобитной он не упоминает. Правда, указание на одну из псковских осад в челобитной имеется:

Был я... на твоей государеве службе во Пскове, и в осаде сидел, и всякую осадную нужу и голод терпел, и в осаде меня двжды ранили.

Более вероятным представляется предположение о том, что речь идёт об обороне Пскова от армии шведского короля Густава II Адольфа в 1615 г.

«Псковское осадное сидение» 1615 г. не было первой службой, о которой упоминает в челобитной есаул. Самое раннее из описанных в документе событий, которое можно датировать с точностью до года, имело место в 1607 г., во время восстания Ивана Болотникова. Описание этого эпизода в челобитной довольно размыто – Левашов пишет, что он был «на... государеве службе на Туле», когда там сидел «Полотников». Означает ли это, что Левашов был пленён в Туле повстанцами и именно тогда был ранен «воровскими людьми»? Или же он не совсем точен в формулировке и служил не «на Туле», а под Тулой, во время осады которой получил увечье «по правой руке в плечо»? Возможно и иное предположение: казачий есаул Левашов находился в рядах болотниковцев «на Туле», но решил по прошествии 30 с лишним лет исправить этот не самый выгодный штрих своей биографии, указав, что находился «на государеве службе» и был ранен «воровскими людьми». Все три версии являются в равной степени вероятными.

От воспоминаний о событиях 1607 г. челобитчик сразу переходит к совсем недавнему эпизоду своей биографии – службе под Венёвом. Взятие донскими казаками турецкой крепости Азов в устье Дона привело к обострению отношений между Московским государством, с одной стороны, и Османской империей и Крымским ханством, с другой. Вследствие этого правительство Михаила Фёдоровича было вынуждено на случай вторжения татар держать у окского рубежа крупные воинские силы. Наиболее значительный отряд, в состав которого входили и псковские казаки, стоял в 1641 г. в Венёве (на корм ратным людям, стоявшим в городе, только на два месяца – июль и август – было прислано 4 583 руб. и 4 д.) [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 3. Л. 18]³. Во время службы в Венёве есаул Левашов «волею Божию» потерял коня и по завершении срока службы «приволокся... с Веневы пеш». Последнее обстоятельство и стало поводом к составлению челобитной – престарелый есаул просил поспособствовать своему возвращению во Псков. Решение по челобитной было положительным, оперативным и щедрым: 20 сентября 1641 г. государь распорядился выдать ему «для его

³ На месяц казакам, стоявшим в Туле, Рязани, Венёве, Одоеве, Крапивне и у засек, выдавалось по 1,5 руб., из чего следует, что в Венёве находилось тогда порядка 1,5 тыс. чел. Венёвский отряд был самым большим. Всего, согласно смете кормовых денег, в перечисленных выше городах находилось порядка 4,2 тыс. чел.

бедности» два рубля; на третий день после этого, 23 сентября 1641 г., соответствующая память была направлена в приказ Устюжской четверти. Это ещё одно свидетельство того, что так называемая «московская волокита» в приказах была отнюдь не типичным явлением в российской административной практике XVII столетия [Лисейцев, с. 121–132]. Разумеется, коня на пожалованные деньги есаул Левашов купить не мог (на это потребовалось бы от 8 до 15 рублей), но на то, чтобы нанять подводу до Пскова, денег должно было хватить с лихвой⁴.

Ещё один фрагмент из челобитной Василия Левашова отсылает нас к страницам истории Псковской земли периода Смуты. Речь идёт о его участии в защите псковского пригорода Гдова – «и мы, холопи твои, изо Пскова ходили во Вдов на выручку» (в челобитной название города воспроизведено на слух – «Вдов»). Известно, что город в 1613–1614 гг. четырежды осаждался шведскими войсками. О каком из эпизодов истории Псковщины сообщает челобитчик? Ответить на этот вопрос помогает указание на имя находившегося в городе воеводы: «как сидел во Вдове Ондрей Усов». Андрей Васильевич Усов участвовал во взятии Гдова в июне 1613 г., когда оттуда выбили шведский гарнизон, и был воеводой в этой крепости во время двух первых попыток шведов вернуть её в свои руки (неприятель подступал к стенам города, соответственно, в августе и в октябре–ноябре 1613 г.). Во время третьей осады в феврале 1614 г. в Гдове были уже другие воеводы, а Андрей Усов в начале марта находился в Москве, где получил пожалование за службу [Рабинович, с. 38, 40].

По всей вероятности, челобитчик повествует о первом нападении противника (август 1613 г.), когда к крепости подступили шведские войска (численностью до 1 100 чел.) под командованием саксонского герцога Юлия-Генриха. В распоряжении герцога была тяжёлая осадная артиллерия, с помощью которой он рассчитывал пробить брешь в укреплениях города. Но попытка овладеть Гдовом закончилась для шведского войска бесславно: на выручку осаждённой крепости подошла подмога из Пскова [Там же, с. 34–36]. По свидетельству шведского историографа Юхана Видекинда, исход дела решило неожиданное нападение псковичей:

...Вдруг налетел из Пскова довольно большой отряд казаков и поляков, привёл осаждающих в смятение и разрушил намеченный план. Заняв наши валы и напав врасплох, неприятель перебил много бывших с нами русских и 300 человек из пехотинцев Коброна, захватил все пушки и обратил в бегство прочих [Видекинд, с. 286].

⁴ Прогоня уплачивались из расчёта 1 алтын за 20 вёрст. Следовательно, на найм подводы до Пскова (около 750 вёрст) Левашову пришлось бы израсходовать примерно 1 руб. 15 коп. из пожалованных ему царём 2 руб. Остальных денег должно было хватить на пропитание в пути. На прокорм тюремным сидельцам в те годы отпускалось по 1 коп. в день. Даже из расчёта гораздо более щедрых кормовых денег, отпускаемых казакам в Венёве (по 5 коп. в день), есаул мог питаться в течение двух с половиной недель, которых ему было более чем достаточно, чтобы добраться до Пскова.

Псковская летопись подтверждает численность неприятельских потерь:

...Приидоша Нѣмцы с нарядом; и шедше псковичи и побиша их 300 человекъ искрадом.

Другой летописец описывает события у стен Гдова подробнее и красочнее:

...Пришедше [шведы]... подо псковской пригород Гдов с нарядомъ, и начаша бити по стѣнѣ; и послаша изо Пскова ратных на испоручение, и Божию помощь и святого славного стратотерпца Дмитрия Селунского мироточца в город невидимо приидоша, и на утрие восташа и иныхъ много, и изыдоша на поганых Нѣмец всѣх изыдоша, елицы быша у наряду, и наряд поимаша; и бысть пречюдна побѣда в той день, протчие со князем ихъ со срамом побѣгоша [Псковские летописи, вып. 1, с. 119, 140].

Оба рассказа едины в том, что присланная из Пскова подмога подошла к Гдову тайно («искрадом», «невидимо»); в обоих случаях сказано не только о людских потерях неприятеля, но и о захвате псковичами вражеской артиллерии («наряда»). Челобитная есаула Левашова подтверждает показания летописей и шведского историографа:

...И твоим царским счастьем Вдов город у немецких людей выручили... и немец побили и наряд поимали.

Публикуемые челобитные, раскрывая подробности событий, разворачивавшихся в Псковской земле в эпоху Смуты начала XVII в., одновременно демонстрируют перспективность используемого учёными (к сожалению, недостаточно активно) метода исторического исследования. Любой специалист по истории Московского царства знает, насколько велики документальные утраты, понесённые архивами приказных учреждений в эпоху Смуты и позднее вследствие большого московского пожара 1626 г. Выявление ранее не известных синхронных эпохе Смуты источников случается всё реже и, как правило, воспринимается как случайная счастливая находка. Между тем, документы более позднего времени (сохранность которых на порядок выше) порой хранят в себе драгоценную информацию о «делах минувших дней». Документы, подобные челобитным Ивана Бедринского и Василия Левашова, показывают, насколько перспективным может быть поиск исторических фактов в источниках, появившихся за хронологическими пределами изучаемого исследователем исторического явления.

Приложение 1

**Челобитная псковского помещика Ивана Леонтьевича
Бедринского о возвращении ему дворового места в Пскове,
незаконно захваченного псковскими стрельцами, 1614 г.,
не ранее апреля⁵**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой псковской помещик Иванко Левонтьев сын Бедринской. Во Пскове, государь, в городе в Полониском конце на Серебрёнке улице для убегу от литовских и от немецких людей куплен у меня, холопа твоего, двор с огородом, белое место, дано одинатцать рублев. И как, государь, пожар был во Пскове, и тот мой двор згорел. И как мы, холопы твои, ехали изо Пскова к Московскому государству с окольничим со князем с Александром Федоровичем Засекиным, и после, государь, нас на том моем дворовом месте поставили два дворы псковские стрельцы Богдановы сотни Маврина Пронька Старорушенин с товарищи, и меж собою тем моим дворовым местом и огородом торгуют и перекупаютца. А и ныне, государь, на том моем дворовом месте живут два стрельцы, тот Пронька Старорушенин да Васка Дериглаз, и владеют тем моим дворовым⁶ местом и огородом насильством, а мне его не отдают. И я, холоп твой, без своего дворишка вконец погиб, и живучи на твоей царьской службе во Пскове, проелсе и прозаимовался, и огородное всякое обилье куплю по два годы, 120-й и 121-й год, скитаюсь меж двор з женишком и з детишками своими. А многие, государь, места чорные порожие в городе во Пскове есть, пашут их посадцкие и всякие городовые люди, устроясь огородами. И те стрельцы тебе, государю, об них не бьют челом, хотят тем моим дворовым белым местом и огородом завладеть. Милостивый царь государь и великий князь Михаила Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне то мое дворовое место с огородом отдати, и с огорода з дву с летей обилья, что те стрельцы при мне владели. А о хоромишках, государь, что оне поставили на том моем месте дворовам, учини, государь, свой царьской указ, чтоб мне, холопу твоему, от тех стрельцов насильства, волочась меж двор и з женишком и з детишками своими, вконец не погинуть. И вели, государь, мне, холопу своему, о том дати свою царьскую грамоту во Псков

⁵ Документ датируется на основании решения, вынесенного по нему в апреле 1614 г.

⁶ *Испр., в ркп.* – дворым.

к своим государевым воеводам. Царь, государь, смилуйся, пожалуй⁷ [РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. Д. 8 (1614 г.). Л. 178].

Приложение 2

1641 г., около 20 сентября⁸. Челобитная псковского есаула Василия Левашова о пожаловании его за службу

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой псковской ясаулишко казачей⁹ Васка Левашов. Был я, холоп твой, на твоей государеве службе во Пскове, и в осаде сидел, и всякую осадную нужу и голод терпел, и в осаде меня двожды ранили. И как сидел во Вдове Ондрей Усов, и мы, холопы твои, изо Пскова ходили во Вдов на выручку, и твоим царским счастьем Вдов город у немецких людей выручили, и в то время у меня, холопа твоего, коня убили, и немец побили и наряд поимали. Да я ж, холоп твой, на твоей государеве службе на Туле, и в то время меня, холопа твоего, воровские люди, как сидел Полотников, ранили по правой руке в плечо. А нынече на твоей государеве службе на Веневе, и волею божиею конь пал. И служу тебе, государю, всякие твои государевы службы шестьдесят лет, и от многих ран стал увечен и заскорбел, и приволокся с твоей государевы службы с Веневы пеш, и сволочися во Псков не на чем. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко и за кровь, и за раны, и за осадное сиденье для моей старости своим царским жалованьем, как тебе, праведному государю, обо мне Бог известит. Царь, государь, смилуйся¹⁰ [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 37 (1641 г.). Л. 19].

Список литературы

Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук (АМГ) : в 3 т. Т. 1. СПб. : Изд-во тип. Императ. акад. наук, 1890. Т. 1. 766 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (АСЗ) : в 4 т. М. : Изд. археограф. центр, 1997–2008. Т. 1. 432 с.

Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков : Изд-во Псков. обл. тип., 2004. 360 с.

Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М. : Памятники ист. мысли, 2000. 660 с.

⁷ На обороте челобитной – помета-резолюция: «Будет то место белое, а не куплено, и против указу по мере, и то ему место велеть очистить, а стрельцом дать место по указу в Стрелецкой слободе».

⁸ Документ датируется по приказной помете о выдаче челобитчику государева жалования.

⁹ В *р.кп.* слово *казачей* приписано над строкой.

¹⁰ На обороте челобитной – помета-резолюция: «150-го сентября в 20 день государь пожаловал, велел ему дать для бедности из Устюжской чети два рубли дьяку Дмитрею Карпову. 150-го сентября в 23 день дать ему государева жалованья по подписной челобитной за пометою думного дьяка Ивана Гавренева два рубли».

Лисейцев Д. В. «Московская волокита» : О темпах работы российских приказов начала XVII века // Роль государства в историческом развитии России : материалы Междунар. науч. конф. Будапешт. центра русистики, 17–18 мая 2010 г. Будапешт, 2011. С. 121–132.

Псковские летописи. Вып. 1. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1941. 146 с.

Рабинович Я. Н. Гдов в Смутное время (1604–1621 гг.). Великий Новгород : А. Н. Одинок, 2011. 98 с.

РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городские книги). Оп. 1. Кн. 3.

РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. Д. 8 (1614 г.).

РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. Д. 7; Оп. 11. Д. 264.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ) : в 38 т. СПб. : Изд. тип. Ф. Елеонского, 1872–1926. Т. 15. 1894. 209 с.

Соколова Н. В. Псковское казачество XVII века // Псков. 2003. № 18. С. 61–70.

References

Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoy akademii nauk : v 3 t. [Acts of the Moscow State, Published by the Imperial Academy of Sciences]. (1890). Vol. 1. 766 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo tipografii Imperatorskoy akademii nauk.

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka v 4 t. [Acts of the Service Class of landowners of the 15th – Early 17th centuries]. (1997). Vol. 1. 432 p. Moscow, Izdatel'sky arkheografichesky tsentr.

Arakcheev, V. A. (2004). *Srednevekovyy Pskov: vlast', obshchestvo, povsednevnyaya zhizn' v XV–XVII vekakh* [Medieval Pskov: Government, Society, Everyday Life in the 15th–17th centuries]. 360 p. Pskov, Izdatel'stvo Pskovskoy oblastnoy tipografii.

Liseytshev, D. V. (2011). “*Moskovskaya volokita*” : *O tempakh raboty rossiyskikh prikazov nachala XVII veka* [“The Moscow Red Tape”. The Rate of Work of the Russian Prikazy of the Early 17th century]. In Svak, D. (Ed.). *Rol' gosudarstva v istoricheskom razviti Rossii : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Budapeshhtskogo tsentra rusistiki, 17–18 maya 2010 g.* (pp. 121–132). Budapesht, Russica Pannonicana.

Pskovskie letopisi [Pskov Chronicles]. (1941). Iss. 1. 146 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk.

Rabinovich, Ya. N. (2011). *Gdov v Smutnoe vremya (1604–1621 gg.)* [Gdov in the Time of Troubles]. 98 p. Veliky Novgorod, A. N. Odinkov.

Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 137 (Boyarskie i gorodovye knigi). List 1. Book 3.

Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 141 (Prikaznye dela starykh let). List 1. Dos. 8 (1614 g.).

Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 210 (Razryadnyy prikaz). List 9. Dos. 7.

Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 210 (Razryadnyy prikaz). List 11. Dos. 264.

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu v 38 t. [Russian Historical Library, Published by the Archeographic Commission]. (1894). 209 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo tipografii F. Eleonskogo.

Sokolova, N. V. (2003). *Pskovskoe kazachestvo XVII veka* [Pskov Cossacks of the 17th century]. In *Pskov*, 18, pp. 61–70.

Videkind, Yu. (2000). *Istoriya desyatiletney shvedsko-moskovitskoy voyny* [The History of the Ten-year Swedish-Muscovite War]. 660 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli.

The article was submitted on 12.06.2016